

УДК 801-5

ББК 81.02

Т-91

Тутаришева Марзьят Каспотовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Адыгейского государственного университета;

Тутаришева Мариат Каспотовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник АРИГИ; т.: 8(8772)572042

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ОБЩЕГО ЧИСЛА В ЯЗЫКЕ

(на материале разноструктурных языков)

(рецензирована)

В статье рассматриваются разные точки зрения на сущность общего числа, его особенности и способы выражения в разноструктурных языках, различные его интерпретации, существующие в лингвистике, соотношение форм единственного, множественного и общего числа.

Ключевые слова: агглютинативный, флективный, полисинтетический, категория числа, множественное число, единственное число, бинарный.

Tutarisheva Marzyat Kaspotovna, Candidate of Philology, associate professor of the Department of Russian language and Technique of Teaching of the Adygh state university;

Tutarishcheva Mariat Kaspotovna, Candidate of Philology, leading researcher of ARIHR; tel.: 8(8772)572042.

TO THE QUESTION OF ESSENCE OF TOTAL NUMBER IN A LANGUAGE

(on the material of poly-structural languages)

(reviewed)

The article considers different points of view on the essence of total number, its features and ways of expression in poly-structural languages, its various interpretations existing in linguistics, a ratio of forms of single, plural and total number.

Keywords: agglutinative, inflectional, polysynthetic, category of number, plural, singular, binary.

Вопрос о грамматической категории числа продолжает оставаться одним из актуальных вопросов теоретической грамматики не только частного, но и общего языкознания. При этом особое место занимают аспекты, отражающие категориальную сущность числа и средства его выражения в языках. Особый интерес вызывают проблемы, связанные с интерпретацией понятия общего числа в разноструктурных языках.

Хотя грамматическая категория числа является отражением реального значения количества, однако понятийная категория единичности и множественности и грамматическая категория числа могут не совпадать. Грамматическое число представляет собой лишь один из многих способов обозначения в языке этих категорий. Кроме этого, понятие числа получает неодинаковое выражение в языках различного строя. Об этом свидетельствуют факты языков различного грамматического строя. Так, например, анализ фактов таких разноструктурных языков, как русский (флективно-синтетический строй – в дальнейшем флективный тип, строй) и абхазо-адыгские, тюркские, палеоазиатские и др. языки (агглютинативно-полисинтетический строй – в

дальнейшем агглютинативный строй, тип) подтверждают мысль о том, что свойства, характер той или иной категории «находятся в прямой зависимости от особенностей строя языка». [1, с. 107]

В области данной грамматической категории особый интерес вызывает проблема общего числа. Она получила различную интерпретацию в разноструктурных языках.

В области индоевропейских языков много работ посвящено проблеме общего числа. Как отмечается в специальной литературе, факты современных индоевропейских языков и их историко-типологические данные свидетельствуют о том, что грамматической категории числа, которая была представлена в древних индоевропейских языках парадигмами ед. и мн.ч., генетически предшествовало общее число, т.е. такое состояние, когда единая, абсолютная форма слова выражала общее числовое значение, совмещала единичность и собирательную множественность [2, с. 62]. Так, например, предполагается, что в старший праславянский период слово *ljudy* совмещало два значения – собирательно-множественное «люди» и единичное «человек», которые различались ситуативно. Такой «тип значения числа определялось как общее число». [2, с. 62]

Последующее развитие грамматической категории числа привело к изменению способов выражения количественных отношений в языке и утрате значения общего числа. Форма *ljudy* (которая совмещала значение ед. ч. и собирательности) была вытеснена образованной от нее формой мн.ч. *ljudie* (затем – *ljudi*), а в значении единичности была образована сингулятивная форма *ljudinъ*, но затем утрачивается эта форма, образуются коррелятивные формы ед. и мн. ч. При этом для ед. ч. в славянских языках стали использовать супплетивную форму «человек», которая образует новую корреляцию: ед. ч. «человек» – мн.ч. «люди». Таким образом, категория числа получает формально-грамматический характер универсальной морфологической категории. [2, с. 62] При этом, как предполагают ученые, общее число наличествовало только в древнейшем праиндоевропейском состоянии на флективном этапе развития грамматического строя, т.е. до возникновения грамматической категории числа существовала некая нейтральная по отношению к числу форма.

Совмещение двух функций в одной форме слова наблюдалось и наблюдается во многих языках мира. Например, в древнегреческом языке форма ед. ч., кроме единичности, может обозначать и собирательность.

В отношении употребления формы ед. ч. в русском и адыгейском языках прослеживаются определенные признаки, которые связаны с типологическими особенностями рассматриваемых языков. Это касается характера способов выражения значения количества, характера факультативности или обязательности их выражения, типа образуемых ими оппозиций и др. Так, в русском языке флективного типа форма ед. ч. существительного не может быть употреблена, когда речь идет о дискретном множестве предметов: существительное обязательно ставится в форме мн. ч., если слово изменяется по числам и не приобретает дополнительных оттенков значений. Формальное выражение мн.ч. в этих случаях является облигаторным, а не факультативным.

Употребление формы ед.ч. имен существительных в языках агглютинативного строя имеет определенные особенности. Это связано с формой единственного числа существительных, которая в рассматриваемых языках имеет форму, совпадающую с основой. Она не является маркированной, как форма мн.ч., которая имеет специальный показатель. Специфика этих языков заключается в том, что существительное в них может быть нейтральным в отношении числа, т.е. оформление его показателем мн.ч. может быть факультативным, когда речь идет даже о

множестве предметов. Другими словами, в языках агглютинативного строя, в том числе и адыгских, возможно употребление неоформленного имени (ед.ч.) в значении единичности и множественности, которое для индоевропейских языков недопустимо: *Пиъашъэм / пиъашъэмэ къэлэм / къэлэмхэр къацэфыгъ / къацэфыгъэх* «Девушка / девушки купила / купили карандаш / карандаши». С этими особенностями формы ед.ч. связаны многие вопросы, влекущие за собой такие грамматические последствия, которые сказываются на разных уровнях грамматического строя адыгейского языка. Это: употребление имени в ед.ч. при числительных и других количественных словах *Пиъэшъипл къэкIуагъ* «Пришли четыре девочки «букв.: «Пришла четыре девочка»; факультативное согласование глагола-сказуемого с именем-подлежащим, выраженным любой именной частью речи в им. п.: *Пиъашъэхэр къэкIуагъ /къэкIуагъэх* «Девочки пришли / пришла»; факультативность оформления имени показателем мн.ч. в эрг., твор., превр. падежах при обозначении ими множества предметов *Пиъашъэм / пиъашъэмэ аIуагъ* «Девушка/девушки сказали» Итак, оформление существительного показателем мн.ч. при обозначении множественности не всегда обязательно. При необходимости выражения множественности используются синтаксические, лексические или одновременно лексические и синтаксические способы. Еще в свое время Ж.Дюмезиль отметил явление экономии языковых средств в убыхском языке. Он писал, что, когда идея множественности вытекает отчётливо из контекста, охотно используется форма ед.ч. [3, 67] Эта мысль применима и к другим языкам агглютинативного типа, в том числе и к адыгским. Это все дает основание рассматривать форму ед.ч. с нулевым показателем как форму общего числа.

Как было сказано, факультативность оформления значения множественности формой мн. ч., употребление формы ед. ч. в значении множественности занимает значительное место и в других языках агглютинативного типа. [4] Однако использование формы ед.ч. в значении единичности и множественности, понятия общего, неопределенного числа, целостной совокупности и т.д. в лингвистической литературе квалифицируется по-разному: как общее число, индифферентность к категории числа, безотносительное, нейтральное отношение к числу, значение неопределенности, недифференциальная слабая выраженность числа, неиндивидуализированность [5, с. 7] числа. Отдельные лингвисты считают, что данная форма стоит вне грамматической категории числа или предлагают считать термин «единственное число» «условным, рассматривать его как общее число. В адыгских языках такая возможность создает своеобразие категории числа. Она породила в специальной литературе понятие общего числа.

Мнения лингвистов по проблеме общего числа несколько расходятся в адыгейском языке. Большинство исследователей адыгских языков рассматривают категорию числа в данном языке как бинарное противопоставление форм и значений ед. и мн. ч. Это – Г.В. Рogaва, З.И. Керашева, Б.М. Берсиров, Н.Т. Гишев, У.С. Зекох и др.

Принимая за основу двучленное противопоставление форм ед. и мн. ч., отдельные лингвисты (Н. Яковлев, Д. Ашхамаф, М.А. Кумахов) допускают возможность наличия общего числа в адыгских языках. Однако сущность общего числа получила в работах указанных лингвистов различную интерпретацию.

Н. Яковлев и Д. Ашхамаф рассматривают возможность употребления в современном адыгейском языке неоформленного показателем числа имени в значении ед. и мн. ч. как общее число. По их мнению, общее число представляет собой остаточное явление, унаследованное от той эпохи, когда в адыгейском языке совсем не существовало форм числа. Они считают, что общее число сохранилось в отдельных словах, которые без всякого суффикса могут и сейчас

пониматься как единственное, так и множественное число. [6, с. 334] Они связывают общее число с употреблением в древнюю эпоху неопределенной формы имени в значении ед. и мн.ч. К таким словам Н. Яковлев и Д. Ашхамаф относят в основном названия некоторых органов тела, видов животных, плодов и др.: *Колхозым мэл ил* «Колхоз имеет овец» – букв. : «овцу». *Ынэ мэузы* «Глаза его болят», букв.: «(Его) глаз болит».

Слова мэл «овец», ынэ «(его) глаз» стоят в форме ед.ч. в адыгейском тексте, но они обозначают множество. Согласно точке зрения названных лингвистов, «былое неформленное слово остается уже только для выражения неопределенного значения в дополнительных словах, а с появлением морфологических показателей в современном адыгейском языке вместо данной формы все чаще употребляется прямая форма дополнений». [6, с. 48]

Полагаем, что при объяснении данных явлений необходимо учитывать возможность употребления формы ед.ч. как для выражения одного, так и множества предметов, людей, когда указанная форма приобретает дополнительные оттенки значений: значение коллективной массы, обобщенности, собирательности или выражает представителя определенного класса, рода, круга людей и т.д. Однако, надо сказать, что с такими же значениями может употребляться в адыгейском языке не только неопределённая, но и определенная форма имени во всех падежах.

1. *Тэрэз слорэн, ау лэжьаком ихатэ зэрэфаеу едгьэлэжьын фае.* (С.А.) «(Я) не говорю, что правильно, но (мы) должны дать возможность трудящемуся обрабатывать (свой) участок, как сам пожелает». 2. *Цыфым ышъхьэ жьыр щепцэу зыщыщит лъэхъаным ситыгь* (К.Т.) «(Я) был в том возрасте, когда у человека еще ветер в голове». Определенные формы существительных ед.ч. *лэжьаком* «трудящемуся», *цыфым* «человек» предполагают множество лиц, но первая словоформа выступает как обобщенный представитель класса, вторая – обобщение рода людей в целом через одного лица. Подобные явления встречаются в разноструктурных языках (русском, нивхском, тюркских и др.). Русск.: Здесь растет в изобилии *дуб, граб, ясень, клен*. 2. Новый спектакль был тепло принят *зрителем*.

Использование неопределенной формы в функции множественности с вышеуказанными значениями в современном адыгейском языке не ограничено, хотя Н. Яковлев и Д. Ашхамаф отрицают такую возможность.

В указанном предложении *Ынэ мэузы* «Глаза (его) болят» Н. Яковлев и Д. Ашхамаф переводят слово *ынэ* «(его) глаз» в форме мн.ч., хотя в языке-источнике оно имеет форму ед. (неопределенного) числа. Предложение буквально переводится: «(Его) глаз болит». И такой перевод возможен, когда речь идет о парных частях тела. Оба варианта «(Его) глаз болит» и «(Его) глаза болят» правомерны. В форме ынэ «(его) глаз» Н. Яковлев и Д. Ашхамаф видят общее число. В адыгских языках форма ед.ч. может обозначать предмет безотносительно к числу, когда речь идет о парных частях тела. В таких случаях без ущерба значению форму ед.ч. можно заменить множественной. О возможностях такого употребления формы ед.ч. относительно парных частей тела свидетельствуют факты многих языков агглютинативного строя. Однако употребление неформленного имени с дополнительным значением или употребление слов, обозначающих парные органы, в форме ед.ч. не квалифицируется в лингвистической литературе как общее число.

Вопрос об общем числе в адыгских языках получил освещение в ряде работ М.А. Кумахова. В работе «К истории категории числа в абхазо-адыгских языках» автор рассматривает возможность употребления в адыгских языках формы ед.ч. имени в значении единичности и множественности. При этом число выражается в глаголе: *Цыфым унэ ешлы* «Человек строит дом» - *Цыфым унэ ашлы* «Люди строят дом», букв.: «Человек строят дом». Имя существительное

цлыфым «человек» в первом предложении стоит в форме ед.ч., на это указывает глагол *ешлы* «строит»; во втором предложении *цлыфым* «люди» обозначает множество, на это указывает глагол *ашлы* «строят». Итак, в адыгейском тексте произошла нейтрализация форм существительного *цлыфым* «человек», которое употребляется в форме ед.ч., хотя обозначает в первом предложении единичность, а во втором – множественность.

Нейтрализация форм числа может наблюдаться и в глаголах: *Пиъаишьэр макло* «Девушка идет» и *Пиъаишьэхэр макло* «Девушки идут» – букв.: «Девушки идет».

Рассматривая категорию числа в диахронном плане, сравнивая материалы абхазо-адыгских языков, М.А. Кумахов приходит к выводу об отсутствии в общеабхазо-адыгском языке грамматической категории числа существительных. [7, с. 57].

Исходя из многообразия форм выражения множественного числа существительных в абхазском и абазинском языках, дефектности категории грамматического числа в адыгских языках, отсутствия противопоставления форм ед. и мн.ч. существительных при переходном глаголе в убыхском языке (кроме эргатива), М.А. Кумахов приходит к выводу о том, что грамматическая форма множественного числа в данной группе языков относительно позднего происхождения и что продолжение общеабхазо-адыгского состояния наблюдается в убыхском языке, где нет указания на множественность, за исключением формы эргатива. М.А. Кумахов считает, что это архаичное явление сохранилось в адыгейском языке в предложениях типа *Цлыфым ешлэ* «Человек знает» – *Цлыфым ашлэ* «Люди знают», букв. «Человек знают».

В дальнейшем на основании нейтрализации числа в именах существительных и глаголах М.А. Кумахов отмечает наличие общего числа в адыгских языках. Он констатирует: «Своеобразие числовых корреляций, обусловленное наличием общего числа, ярко демонстрируют адыгские языки». [8, с. 65] Исследователь считает, что применительно к словоформам типа *цлыфым* из вышеприведенных предложений, где одна и та же форма может обозначать один предмет и множество предметов, термин «форма общего числа» (или просто – «общее число») вполне оправдан с грамматической точки зрения. [9, с. 10] При этом М.А. Кумахов не включает его в коррелятивный ряд категории числа существительных. Как отмечает ученый, «употребление формы ед.ч. имени в значении множественности само по себе не дает оснований для выражения общего числа, если такая форма не обладает сочетаемостью обоих чисел», поэтому главным критерием выделения общего числа с грамматической точки зрения считает М.А. Кумахов «сочетаемость одной и той же формы подлежащего с формами ед. и мн. числа сказуемого или другого (синтаксически зависимого от подлежащего) члена синтагмы или предложения». [9, с. 10]

Если употребление словоформы *цлыфым* «человек» в значении единичности и множественности рассматривать как общее число, встает вопрос: можно ли ставить его в коррелятивный ряд категории числа имени существительного в адыгейском языке.

В лингвистической литературе под содержанием грамматической категории понимается «противопоставленность ее грамматических значений по содержанию и соответствующая ей оппозиция форм выражения [10, с. 90]. Причем эта корреляция, соотносительность всех членов оппозиции, наблюдается в рамках одного и того же лексического значения слова. Необходимо также и наличие регулярности формообразования.

Обобщая сказанное, можно заключить, что грамматическое явление в адыгейском языке, названное общим числом, не может стать в коррелятивный ряд категории числа, т.е. не может употребляться рядом с терминами «единственное число», «множественное число», «двойственное число» и т.д., реальное содержание которых очевидно. С учетом этого и исходя из понятия

грамматической категории и соотносительного ее ряда, общее число не может стать в этот ряд, так как оно должно иметь определенную форму выражения некоего общего числа. При наличии таких форм и соответствующих грамматических значений можно говорить о трехчленном ряде категории числа имен существительных в адыгейском языке.

Однако известно и то, что в языке не всегда реальная действительность может получить специальную форму выражения, т.е. грамматические категории не всегда полностью могут отражать явления объективной действительности. Языковые явления, которые не укладываются в рамки понятия коррелятивного ряда грамматической категории, обычно имеют какую-то основу и относятся к особенностям грамматической категории данного языка или являются результатом какого-то процесса в языке. Нейтрализация форм числа с вариантными формантами *-мэ* и *-м* в адыгейском языке произошла в результате фонетических процессов. М.А. Кумахов рассматривает нейтрализацию форм ед. числа как особенность употребления имен существительных с недифференцированным значением числа. Он не включает ее в коррелятивный ряд данной категории. Категорию числа в адыгских языках он рассматривает как бинарное противопоставление форм ед. и мн. ч.

Таким образом, форму ед.ч. в агглютинативных языках можно считать универсальной в том смысле, что она способна выражать самые различные оттенки значений. При всем многообразии возможностей выражения формой ед.ч. разных значений не исключается возможность и выражения ею единичности. Этим она противостоит форме и значению мн.ч., образуя с ней коррелятивную пару. Возможности употребления формы ед.ч. для выражения мн.ч. реализуются при соответствующих уточняющих средствах. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно сохранить в адыгейском языке за нулевой формой имени принятое в лингвистической литературе название «форма единственного числа».

Вполне справедливо отмечает В.З. Панфилов: «тот факт, что форма числа не во всех случаях выполняет функцию квантитативной актуализации, не представляет собой какого-либо исключительного явления: полисемия или омонимия свойственны не только лексике, но и грамматическим формам любого языка». [11, с. 55]

Литература:

1. Гузеев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1975. №3.
2. Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках (историко-семантические исследования). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1982. 243 с.
3. Дюмезиль Ж. Язык убухов (на франц. яз.). Париж, 1913.
4. Щербак А.И. Формы числа имени в иранских языках // Вопросы языкознания. 1970. №3; Меновщиков Г.А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // Вопросы языкознания. 1970. №1; Соттаев А.Х. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1968.
5. Смирнова И.А. Формы числа имени в иранских языках (значение и функционирование). Л.: Наука, 1974. 288 с.
6. Кумахов М.А. К истории категории числа в абхазо-адыгских языках // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.
7. Яковлев Н., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941. 464 с.

8. Кумахов М.А. Число и грамматика // Вопросы языкознания. 1969. №4.
9. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1972. 340 с.
10. Дегтярев В.И. Основы общей грамматики. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1973. 253 с.
11. Панфилов В. З. Грамматическое число существительных в нивхском языке // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

References:

1. Guzeev V. G., Nasilov D.M. *To the interpretation of a category of number of nouns in Turkic languages //Linguistics Questions. 1975. No. 3.*
2. Degtyarev V. I. *Category of number in Slavic languages (historical and semantic researches). Rostov N / D: Publishing house of RSU, 1982.*
3. Dyumezil Zh. *Language of the Ubykhs (in French). Paris, 1913.*
4. Shcherbak A. I. *Forms of name number in the Iranian languages //Linguistics Questions. 1970. No. 3; Menovshchikov G. A. Ways of expression of singularity and plurality in languages of various type //Linguistics Questions. 1970. No. 1; Sottayev A. H. A noun in Karachi - Balkar language. Nalchik: Elbrus, 1968.*
5. Kumakhov M. A. *To the history of category of number in the Abkhaz-Adygh languages//Materials of the first session on comparative-historical studying of the Iberian-Caucasian languages. Makhachkala, 1969.*
6. Yakovlev N, Ashkhamaf D. *Grammar of the Adygh literary language. M - L., 1941.464 p.*
7. Kumakhov M. A. *Number and grammar //Linguistics Questions. 1969. No. 4.*
8. Kumakhov M. A. *Word change of the Adygh languages. M.: Science, 1972. 340 p.*
9. Degtyarev V. I. *Bases of the general grammar. Rostov on / D: Publishing house of RSU, 1973. 253 p.*
10. Panfilov V. Z. *Grammatical number of nouns in the Nivkh language // Reports and messages of the Institute of linguistics of the Academy of Sciences of the USSR. V. II.M.-L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1958.*